

© 2011 г. В.Е. Дюдяева

УДК 81.2

**РОМАН «АДА, ИЛИ ЭРОТИАДА» В. НАБОКОВА КАК
БИЛИНГВАЛЬНЫЙ ТЕКСТ: КООРДИНАТЫ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Целью настоящей статьи является изучение параметров билингвального текста как семантического пространства, репрезентированных в романе В. Набокова «Ада, или Эротиада». Билингвальный текст в заявленном аспекте мыслится как единство взаимодополняющих друг друга текстов романа, созданных автором на русском и английском языках. Семантическое пространство такого текста представляет собой структуру, манифестирующую интегральные и дифференциальные признаки русской и английской языковых картин мира как фундамента индивидуально-авторской картины мира В. Набокова.

Научная новизна исследования определяется возросшим интересом к феномену билингвизма в условиях интенсификации языковых контактов в современном обществе, в том числе в сфере художественной словесности. Изучение билингвизма ведется лингвистикой в двух направлениях – социальном и индивидуальном, при этом первое имеет давнюю традицию: первые попытки изучения билингвизма делают в Германии и Австрии Г. Грюнбаум, Э. Виндиш, Г. Шухардт в XIX в.; в XX в. к этому явлению обращается и отечественные лингвисты – И.А. Бодуэн де Куртене, В.А. Богородицкий, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, Б.А. Ларин. Принципиально новый ракурс исследования задан в труде американского лингвиста Уриеля Вайнрайха «Languages In Contact» (1953), постулаты которого не утратили своей актуальности и доказательной силы: дву- и многоязычие изучаются в рамках общей теории языковых контактов [1]. Под билингвизмом У. Вайнрайх понимает практику «попеременного пользования двумя языками» [1, с. 1]; В.Ю. Розенцвейг уточняет приведен-

ное определение: «владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий языкового общения» [2, с. 4].

Наименование двух языков при билингвизме как «первого» и «второго» соотносима с сокращенно-условным обозначением этих же языков, принятым в современной западной теории обучения языку, где *L1* означает первый язык субъекта (“first language”), а *L2*, соответственно, второй язык субъекта (“second language”). Той же маркировкой пользуются англоязычные теоретики литературы, когда говорят об авторах, переходящих в своей творческой деятельности с «первого» на «второй» язык письма (см. номинацию «second language» в приложении к английскому языку в творчестве Бродского, а также Дж. Конрада и В. Набокова [3]). Наиболее точным и приемлемым нам представляется дефиниция, данная С.Г. Николаевым: «Билингвизм, или двуязычие, предлагаем понимать как неравнозначное знание и владение более чем одним национальным языком и неодномоментное пользование ими в каждой конкретной ситуации общения. Один из этих языков является и именуется *первым*, другой – *вторым*» [4, с. 41]. Второе направление – изучение билингвизма в индивидуальном аспекте – заявило о себе сравнительно недавно. Феномен литературного индивидуально-авторского билингвизма изучен недостаточно, пока не существует теоретических моделей описания параметров этого сложного и неоднозначного явления. В этой связи комплексное и системное рассмотрение произведений, имеющих автоперевод, дает возможность осмыслить особенности индивидуально-авторской картины мира элитарной языковой личности, какой является В. Набоков, а также выяснить приоритет той или иной национальной картины мира в качестве основы функционирования в семантическом пространстве текстов В. Набокова репрезентантов лингвокультурем и художественных концептов.

Семантическое пространство, реализуемое в особой языковой форме, представляет собой общий замысел художественного текста. Концептуальный и когнитивный анализ текста позволяют объективировать специфику авторского мировидения, отраженного в нем, а также его аксиологические ориентиры. При этом не существует таких текстов, которые не являлись бы итогом *дискурсивной*, т.е. социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности. При этом совершенно очевидно, что «поскольку пространство художественного текста представляет собой ре-

зультат творческой авторской перекомбинации реального мира, невозможно говорить о непосредственной соотнесенности словесных выражений с системой объектов реального мира. Статус внутреннего мира художественного произведения определяется дистанцированностью текстовых номинаций от универсума прямых речевых актов» [5, с. 70]. Художественный текст изучается в когнитивной парадигме как эстетически мотивированная модель действительности и вербализация когнитивных компонентов индивидуально-авторской картины мира.

Бытие художественного текста ориентировано по двум осям – пространственной и временной. Такая система координат художественного текста дала возможность М.М. Бахтину ввести в научный обиход значимое понятие хронотопа. В. Набоков в романе «Ада, или Эротиада» посвящает изучению вопросов соотношения времени и пространства отдельную часть – «Ткань времени», в которой дает возможность читателю оценить концепцию времени своего героя (и собственную) в форме философского трактата. Индивидуализированность художественного мира В. Набокова вносит новые грани в русскую культуру, которая изначально мыслит себя как «соборная», тяготеющая к «мы». Представляется необходимым обоснование тезиса о том, что «первым» языком, а значит «первой» языковой картиной мира для В. Набокова остается русский язык и русская картина мира. Английский язык как «второй» делает возможным введение русских национальных лингвокультурем через художественные концепты в автоперевод и читательскую практику англоязычных культур, совмещая тем самым координаты авторской модели мира с двумя национальными картинами мира – русской и американской. Системность и структурированность художественного универсума В.В. Набокова обозначается в общих чертах в русскоязычном творчестве в культурных координатах русской языковой картины мира, однако, подвергаясь при этом влиянию западноевропейской культуры, немецкой и французской, прежде всего. Основной характеристикой элитарной языковой личности В. Набокова выступает билингвизм – с одной стороны, как способ сохранения его культурной идентичности при переходе на английский язык, с другой, его англоязычное творчество становится формой инобытия русской культуры.

Концептуальный анализ позволяет выявить и описать основные пространственные и темпоральные параметры индивидуально-авторской карти-

ны мира, художественные концепты *Время* и *Пространство* в составе имеют ядерную, приядерную и периферийную зоны. Поскольку концепт национального языка имеет парадигматическую природу, художественный концепт восстанавливается на основе синтагматических связей слов, поэтому для реконструкции ядерной и приядерной зон анализируемых концептов релевантен парадигматический подход, тогда как периферия поля концепта восстановлена при применении синтагматического подхода. Принципиально важно, что для индивидуальноавторской картины мира В. Набокова характерна некоторая «размытость» границ приядерной и периферийной зон за счет тесного взаимодействия двух составляющих билингвального текста – авторских вариантов романа на русском и английском языках.

При сопоставлении текстовых фрагментов, взятых из обоих авторских вариантов романа, выявлено, что для В. Набокова индифферентно понятие будущего, в универсуме его романа «Ада, или Эротиада» присутствует только *настоящее* и *прошлое*, которые структурируют приядерную зону синкретичного ассоциативного текстового поля художественного концепта *Время*: «Можно и покорректней развенчать претензии этого детерминиста: *бессознательное* вовсе не подстерегает нас где-то впереди, чтоб щелчком отбросить назад или заарканить, оно *охватывает как Прошлое, так и Настоящее* со всех обозримых сторон, *оставаясь не свойством Времени* как такового, *но свойством органического затухания, естественного для всех проявлений бытия, ощущающих Время или нет*» [6, с. 771] и «Refuting the determinist's statement more elegantly: *unconsciousness, far from awaiting us, with flyback and noose, somewhere ahead, envelops both the Past and the Present* from all conceivable sides, *being a character not of Time itself but of organic decline natural to all things whether conscious of Time or not*» [7, с. 419]. Соответственно, в приведенном контексте *Прошлое* и *Настоящее* / *Past and Present* являются характеристиками *Времени* / *Time*; периферийную зону поля образуют следующие лексемы и их сочетания: *бессознательное* / *unconsciousness*; *оставаясь свойством* / *being a character*; *органическое затухание* / *organic decline*, *естественный* / *natural*, *ощущающие Время* / *conscious of Time*. Во всех сопоставленных компонентах соотнесенность семантики, и лишь в одном случае В. Набоков допускает синонимическое сочетание *проявления бытия* – *all things*. Проанализированные контексты свидетельствуют о тесной ассоциативной

связи *Времени* и сознания или бессознательного, *Времени* и света или расстояния, *Времени* и звука: «Я также знаю, что вы, возможно, как и я, рождены на свет, но это не доказывает, что мы прошли через временную фазу, именуемую *Прошлым*: это мое *Настоящее*, краткий просвет сознания, уверяет, что я ее прошел, а не бесшумное грохотание бесконечного бессознательного, предварявшее мое появление на свет пятьдесят два года и 195 дней тому назад» [6, с. 771] и «I also know that you, and, probably, I, were born, but that does not *prove* we went through *the chronal phase called the Past: my Present, my brief span of consciousness*, tells me I did, not *the silent thunder of the infinite unconsciousness* proper to my birth *fifty-two years and 195 days ago*» [7, с. 419]: краткий просвет сознания / *brief span of consciousness* (здесь просвет ассоциативно связан и со светом, и с расстоянием, промежутком); бесшумное грохотание / *silent thunder* (ассоциативная связь *Времени* и звука порождает авторский оксюморон); бесконечное бессознательное / *infinite unconsciousness*. Кроме того, важным компонентом поля является ритм / *rhythm*: «*Время — это ритм*: ритм насекомых в теплой, влажной ночи, пульсация мозга, дыхание, гудение в виске — вот они, наши верные хранители времени; а разум выравнивает лихорадочную частоту» [Набоков, 2005: 773] и «*Time is rhythm: the insect rhythm of a warm humid night, brain ripple, breathing, the drum in my temple — these are our faithful timekeepers; and reason corrects the feverish beat*» [6, с. 421], при этом ритм релевантен пульсации мозга, дыханию, гудению в виске / *brain ripple, breathing, the drum in my temple*.

Роман «Ада, или Эротиада» характеризуется обоснованием в семантическом пространстве текста причудливой модели художественного универсума, что, несомненно, предваряет появление в тексте «Ткани времени» как некоего объяснительного фрагмента, манифестирующего параметры элитарной языковой личности писателя-билингва. Литературный билингвизм представляет собой высшую форму индивидуального билингвизма; в свою очередь, творчество В. Набокова создает возможность изучения этого значимого лингвистического и культурного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Weinreich U.* Languages in Contact. Findings and Problems. New York, 1953.
2. *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты. Л., 1972.
3. *Bayley J.* English as a Second Language // The New York Times Book Review. September 1, 1996.
4. *Николаев С.Г.* Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Дисс. ...докт. фил.наук. 10.02.19, 10.02.01. Ростов н/Д, 2006.
5. *Кузнецова А. В.* Пространство художественного текста: образ автора, концептуализация, идиостиль // Язык. Дискурс. Текст. Ростов н/Д, 2009.
6. *Набоков В.В.* Лолита. Ада, или Эротиада. М., 2005.
7. *Nabokov V.* Ada or Ardor: A Family Chronicle. Penguin Books, 2000.

Педагогический институт

Южного федерального университета

4 июля 2011 г.
